Верховых Л. Н.

О НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНАХ АНТРОПОНИМИКИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/12.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. II. С. 32-34. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Межличностный характер изучаемых отношений, включение не одного, а двух субъектов одновременно, выступающее в виде субъектно-объектной модели, обуславливает качественные различия этих взаимосвязей. Межличностное отношение носит сугубо субъектный характер, то есть характеризуется однонаправленным отношением субъекта к объекту. Однако в интерперсональных связях чаще имеет место не просто отношение одного партнера к другому, а так называемые двусторонние чувства. Указанная специфика выражается в феномене межличностного взаимовлияния, трактуемого как воздействие на другую личность, предполагающее изменение его поведения, мыслей, чувств. Третий важнейший аспект межличностного взаимодействия – взаимные действия, которые выражаются в со- , без- или противодействии поступкам и деятельности партнеров. Таким образом, в рамках онтологии человеческих взаимодействий обозначены три квалитативных типа: однонаправленные (любовь, ненависть, симпатия и др.), двунаправленные (досада, обида, огорчение и т.д.) и взаимные (беседа, согласие, ссора и т.п.) отношения.

Как видим, интерперсональность представляет собой сложное явление, характеризующееся перекрещиванием разнородных дистрибутивных характеристик, выделение которых позволяет подчеркнуть онтологическую обусловленность интерперсонального семантического компонента в содержании языковых единиц.

Список использованной литературы

1. Куницына В.Н., Казаринова В.Н. и др. Межличностное общение: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2001. – 544 с.

2. Мясищев В.Н. Психология отношений / Под ред. А.А. Бодалева. – М., 1995. – 356 с.

3. Ребер А. Большой толковый психологический словарь. – Т. 1: А-О. – М.: Вече АСТ, 2003. – 592 с.

4. Румянцева М.В. Семантика и функции глагольных предикатов межличностных отношений в современном русском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – СПб., 1997. – 17 с.

5. Хараш А.У. Восприятие человека как воздействие на его поведение (к разработке интерсубъектного подхода в исследованиях познания людьми друг друга) // Психология межличностного познания / Под ред. А.А. Бодалева. – М., 1981. – С. 80-92.

О НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНАХ АНТРОПОНИМИКИ

Верховых Л. Н.

ГОУ ВПО «Борисоглебский государственный педагогический институт»

В современной лингвистике ареальное, региональное изучение антропонимов выходит на первый план. Значительная работа проделана учеными в плане сбора регионального антропонимического материала, его анализа. В.В.Палагина исследует сибирские фамилии, Н. Н. Бражникова (Парфенова) – уральские и зауральские, Е.Н.Полякова и Д. В. Семыкин – пермские, Ю.И.Чайкина и Н.В.Комлева – вологодские, И.А.Королева – смоленские, И. М. Ганжина – тверские, Л.М.Щетинин – донские, И.С.Иванова и Т.Г.Смирнова – тамбовские, Н.К.Фроловым была начата, а Г.Ф.Ковалевым продолжена работа по исследованию воронежских фамилий.

Региональный характер современных антропонимических исследований позволяет говорить о значимой роли термина *антропонимический ареал.* По мнению Н.В.Подольской, антропонимный ареал обозначает «область распространения того или иного антропонимного элемента или явления» [Подольская 1988: 36]. Представляется важным несколько уточнить данное определение. *Антропонимический ареал* – обладающая исторической общностью область распространения антропонимов, характеризующихся региональной спецификой (региональными особенностями образования и функционирования антропонима), зависящих от этносоциальных групп населения ареала и отражающих мировоззрение, быт, культуру, традиции жителей определенной территории.

В связи с возрастающим интересом исследователей языка к изучению и описанию антропонимической лексики как системы становится приоритетным вопрос и о таких терминах, как антропонимическое пространство, антропонимическое поле, антропонимическая система, антропонимический класс.

Ввиду того, что антропонимика является составляющей частью ономастики, необходимым базисом антропонимической терминологии должна являться общеономастическая терминологическая система. При этом также необходимо учитывать антропонимическую специфику имени собственного.

В современной ономастике под ономастическим пространством понимают «сумму имен собственных, употребляющихся в языке данного народа в определенный исторический период для именования реальных, гипотетических и фантастических объектов с учетом ограничения объема этого пространства заданными исследователем рамками отбора фактического материала» [Королева 2003: 86]. Ономастическое поле – «определенным образом организованное некоторое количество элементов, единиц, внутри которого реализуются закономерности их систематизации и функционирования» [Там же].

Исходя из определений ономастического пространства и ономастического поля, представляются важными следующие наблюдения. Структура и ядерно-периферийные отношения ономастического пространства зависят от следующих факторов:

- языка народности;
- общественной формации;
- исторической эпохи существования языка;

– территориального расположения рассматриваемого ономастического пространства.

В результате закономерен вывод: ономастическое пространство в разные временные периоды, в разных регионах не может быть одинаковым. Более того, ономастикон одного и того же региона в разные временные периоды не может быть идентичным.

На наш взгляд, существует зависимость структуры и ядерно-периферийных отношений ономастического пространства также и от степени урбанизации населенного пункта. Согласно общепринятой точке зрения, в центре русской онимии – антропонимы. Ядро антропонимической системы составляют личные имена, к которым примыкают фамилии и отчества (у русских), а прозвища, псевдонимы, уличные имена и фамилии находятся на периферии антропонимического поля. В небольшом населенном пункте фамилию, например, Кузнецовы или Поповы имеют несколько семей, следовательно, преобладающими антропонимами становятся прозвища, уличные фамилии или родовые прозвища, поскольку именно они выполняют дифференцирующую функцию имени. Сельская местность в большей степени способствует сохранению родовых прозвищ, тем самым отводя на второй план официальную антропонимию. Для городского же антропонимического поля характерно преимущество официальных имен, фамилий, хотя нельзя отрицать некоторый процент индивидуальных прозвищ в небольших коллективах.

Итак, структуру городского антропонимического поля можно представить следующим образом: официальные имена и фамилии – это ядерные элементы, ближнюю периферию городского антропонимического поля составляют индивидуальные прозвища. В микрогруппах (двор, профессиональный коллектив, клуб по интересам, молодежная компания) можно допустить некоторое смещение антропонимических элементов. Здесь прозвища могут играть лидирующую роль.

Несколько иной выглядят ядерно-периферийные отношения внутри сельского антропонимического поля. Ядром этой полевой структуры являются личные имена и прозвища, к ним примыкают уличные фамилии, официальные фамилии – элементы дальней периферии. Многие примеры подтверждают вышесказанное. Приведем лишь один из них.

«Вот у меня случай был, прямо смешно и грешно…Иду вот так вот по своему селу, мужик вон с той стороны, останавливаеца возле меня машина и спрашивает: «Вы Сашку Голомазова знаете?» Говорю: «Нет, здесь такой не живёт». Тут проходит мимо мужик и говорит: «Да это же Бздюнёк, так вот он напротив живёт».

Оленина Марья Николаевна, 1946 г.р., доярка

Уроженка с. Миролюбие Борисоглебского района

При описании антропонимической системы исследователь может столкнуться с достаточно размытыми иерархическими отношениями между разрядами, на что указывает И.А.Королева, однако, по ее мнению, первостепенное значение в этом случае приобретает системность ономастикона, так как «системный подход к изучению всех разрядов имен собственных стал в ономастике приоритетным» [Королева 2002: 73]. Поскольку имена собственные представляют собой «языковые окаменелости, сохраняющие прастарые формы слова» [Роспонд 1962: 12], важно учитывать и историческое развитие тех языковых систем, которые формировали антропонимические единицы.

Исходя из вышесказанного, можно сформулировать такое определение *антропонимического пространства* – это целостная антропонимическая мегасистема, обладающая признаками онимического пространства [см.: Королева 2003: 86]: 1) употребляется в языке данного народа в данный период; 2) именует реальные, гипотетические и фантастические субъекты; 3) состоит из множества антропонимических полей; 4) определяется моделью мира, существующей у данного народа; 5) отражает национальную ментальную культуру; 6) имеет ядерно-периферийную структуру поля, в центре которой личные имена и/или индивидуальные прозвища, выполняющие функцию имени.

Антропонимическое поле – совокупность антропонимов одного ареала (большого или маленького), выполняющих номинативную или дифференцирующую функцию, образующих единое целое и находящихся по отношению друг к другу в разнообразных связях. Антропонимическое поле обладает всеми признаками системы, состоит из антропонимических систем и классов. Антропонимическое поле может состоять из нескольких систем.

По мнению Н.В.Подольской, антропонимная система – «определенным образом организованная совокупность антропонимов данного этноса для данного времени» [Подольская 1988: 35]. Уточним определение антропонимической системы с учетом ее зависимости от лингвистических и общественно-исторических закономерностей функционирования антропонимов. *Антропонимическая система* – это самодостаточная система (совокупность антропонимических единиц), характеризующаяся определенным набором антропонимных моделей и функционирующая и развивающаяся в тесной связи с общественно-историческими факторами; с одной стороны, постоянно пополняющаяся, а с другой, – стремящаяся к унификации; в то же время это достаточно устойчивая система, сохраняющая традиционные способы номинации и оформления антропонимов. Антропонимическую систему характеризует не только набор самих антропонимов, но в большей степени структура номинационных процессов с четко выраженной ареальной спецификой словообразования антропонимов.

Антропонимический класс – разряд антропонимов, имеющий общие мотивационные признаки или обладающий синонимичным семным набором, реализующий основные функции имени собственного и подчиняющийся законам языка.

Список использованной литературы

1. Королева И.А. К вопросу об ономастическом пространстве и ономастическом поле в языке // Русский литературный язык: номинация, предикация, экспрессия: Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 70-летию проф. П. А. Леканта.– М.: МАНПО, 2002.– С. 73-74.

2. Королева И.А. Ономастические пространства и поле в языке // Русская речь. – 2003. –№2. – С. 85-86.

3. Роспонд С. Перспективы развития славянской ономастики // Вопросы языкознания. – 1962. – №4. – С. 9 – 19.

4. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред А.В.Суперанская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

ОБ ОТНОШЕНИИ РУССКИХ ТЕАТРОВ К ДРАМАТУРГИИ Г. ГАУПТМАНА

Власова Ю. Ю.

Томский государственный педагогический университет

Герхарт Гауптман был популярен на рубеже XIX–XX веков не только у себя на родине, но и в Европе, в том числе и в России. Хотя немецкий драматург никогда не был в нашей стране, не состоял в дружеских связях с деятелями русской культуры, все же он оказался теснейшим образом связан с ними. В круг его любимых писателей входили Достоевский, Тургенев, Гоголь и Гаршин, а также Чехов.

Гауптман быстро становится одним из «законодателей» «нового театра». Он отдает дань и натурализму, и символизму, и неоромантизму. К середине 1890-х годов драматургия Гауптмана становится явлением мирового масштаба. Общеизвестные критики (такие как Г. Брандес) ставят его фигуру в один ряд с Ибсеном, Метерлинком, Стриндбергом, Шоу.

Бурная полемика вокруг фигуры и творчества Гауптмана в этот период свидетельствовала о его большой популярности в России. Упоминания о нем встречаются у Л. Толстого, Л. Андреева, А.М. Горького, М. Волошина и О. Мандельштама.

Отношение русских театров к пьесам Гауптмана было неоднозначным. Первым произведением, сделавшим имя немецкого драматурга известным российскому зрителю, стала пьеса «Вознесение Ганнеле», премьера которой состоялась в 1893 году. Драма шла в Панаевском театре и Литературно-артистическом кружке. В репертуаре Александринского театра 1890-1900 годов Гауптман выглядел автором почти случайным. В 1893 году на его сцене была поставлена не лучшая из пьес драматурга – «Коллега Крамптон», в 1900 году – «Праздник мира». В Малом театре шли непродолжительное время пьесы «Возчик Геншель» (поставлена в 1899 году) и «Сестры из Бишофсберга» (1908).

Иным было восприятие драматургии Гауптмана в Московском художественном театре. С его открытием пьесы немецкого драматурга все время стоят в репертуарном списке. Начиная с 1899 года, Гауптман и Чехов становятся основными авторами этого театра. И именно благодаря ему Гауптман входит в русскую культуру, становится ее органической частью.

Сам Чехов очень высоко ценил творчество Гауптмана. Он активно следил за постановками пьес немецкого драматурга на российских сценах, посещал репетиции МХТ, давал рекомендации актерам, участвующим в спектаклях по произведения Гауптмана (например, В.Э. Мейерхольду, игравшему роль Иоганнеса Фокерата в «Одиноких»), искренне переживал по поводу успеха или неуспеха пьес, которые ставились в российских театрах. Творчество двух великих драматургов оказалось вообще во многом связанным.

На сходные черты в произведениях двух драматургов обращали внимание уже их современники. Н. Мирович в статье «Трагедия обыденной жизни в современной драме», сравнивая творчество двух драматургов, приходит к выводу, что, несмотря на разность материала, над которым они работали (у Гауптмана – «жизнь сложная, богатая культурным содержанием»; у Чехова – «бледные, сыроватые будни русской действительности»), их сближает общее настроение пессимизма как характерного явления современной духовной жизни. «И тут, и там в жизни царит эгоизм – слепой, беспощадный, жестокий» [Мирович 1902: 156]. Для них характерно общее настроение неверия в современного человека, в его созидательные силы и возможности, в наличие твердой жизненной позиции, «почвы под ногами». Оба драматурга, по мнению критика, отобрали у своих героев способность любить и верить по-настоящему. Перед нами предстает галерея неудачников. Герои Чехова, пишет Мирович, полны апатии, безверия, в них нет и проблеска надежды, они не видят смысла жизни. Более того, они бесталанны, в них нет жажды самовыражения, творческой созидающей энергии. Они пассивны и не желают трудиться.

Иначе у Гауптмана: в его пьесах перед нами предстают люди нового поколения, у которых есть своя жизненная позиция, свое «credo», по выражению Мировича. Но все-таки и они глубоко несчастны и не удовлетворены существующим положением дел. Критик считает, что эти люди переходной эпохи не способны совсем отречься от старого, впереди для них еще все туманно и неясно.

Мирович не видит в пьесах Гауптмана прямых указаний на пути выхода из этого тупика. По его мнению, автор лишь высказывает догадки. Именно в этом автор статьи видит сближающее начало в творчестве